

Станислав Купцов

АЛЕКСАНДР АЛЕХИН

ЖИЗНЬ КАК ВОЙНА

Станислав Андреевич Купцов
Александр Алехин.
Жизнь как война
Серия «Большой спорт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70355737

Александр Алехин. Жизнь как война: Издательство АСТ; М.; 2024

ISBN 978-5-17-148891-8

Аннотация

Алехин не просто гений и первый русский чемпион мира по шахматам. Это человек удивительной судьбы. Мировые и гражданская войны, кровавые революции, несостоявшиеся расстрелы, потеря родины, обвинения в коллаборационизме – жизнь Алехина была ужасно непростой, но он удивительным образом приспособивался. И делал все, чтобы никто не мешал ему заниматься единственным любимым делом, которому он отдавался маниакально, – шахматами.

В отличие от большинства других книг об Алехине в этой вы увидите доску с полным набором шахматных фигур: вас ждут подробные истории о великом Ласкере, элегантном Капабланке, члене НСДАП Боголюбове и советском колоссе Ботвиннике, которые были важной частью судьбы нашего героя.

Почти вся жизнь Алехина – война. С людьми, с обстоятельствами... Она знала и преодоление, и предательство.

И книга автора Sports.ru Станислава Купцова скорее даже не о шахматах, а об утлом суденышке под названием «жизнь».

Сохранен издательский макет.

Содержание

Вступление	6
Часть I. Прощай, родина!	14
Глава 1. Смертельная болезнь	14
Глава 2. Низвержение богов	24
Глава 3. От революции до лицедейства	32
Глава 4. Наследник Чигорина	42
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Станислав Купцов Александр Алехин. Жизнь как война

Посвящаю моим отцу и деду, Андрею и Анатолию Купцовым, – самым непримиримым шахматистам, каких я только знал. И, конечно, самому доброму и справедливому арбитру в шахматах и в жизни – бабушке Зинаиде. «К барьеру! Ревани!» – бодро звучало с утрачка на даче, тут же расставлялись пластмассовые фигурки на плоской доске. – «Сейчас взгрею!», «Ага, размечтался!» Молодой и нетерпеливый выводил к сопернику ферзя, бросаясь в упоительную атаку, – опытный и маститый пожимал плечами и отвечал позиционно, расставляя хитрые ловушки. Я скачаю, мои дорогие...

© Купцов С. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

Вступление

Александр Алехин умер в середине прошлого века, но слава его жива по сей день. По данным *Chess.com*, у Алехина потрясающий процент выигранных партий – 57 % (для сравнения, только у первого чемпиона мира Вильгельма Стейница и у гениального американца Роберта Фишера тоже 57 %, у современников Алехина Эмануила Ласкера и Хосе Рауля Капабланки – 52 %, у великого норвежца Магнуса Карлсена – 48 %)¹. Если Александр Александрович играл вничью, то это были затяжные, напряженнейшие партии – он всегда находился в поиске лучшего решения. Алехин не только классно играл, но еще и обладал уникальной памятью, мог вспомнить наизусть партию, сыгранную десятилетия назад. А его сеансы игры вслепую восхищали мир.

Сильнейший шахматист планеты последних лет Магнус Карлсен не сомневается: «Его шахматы фантастичны. Он позиционно понимал игру так, что опережал время. Умел добиваться позиционного преимущества, при этом действуя в агрессивной манере. Ему удавалось творить чудеса на одной части доски, а потом резко переключаться на другую, то есть всегда видеть всю доску. Призываю всех любителей шахмат посмотреть его матч с Капабланкой в 1927 году»². Соперник Магнуса по матчу за титул, россиянин Ян Непомнящий, при-

знался, что в детстве считал Алехина своим кумиром. Бывший тренер норвежца, 13-й чемпион мира Гарри Каспаров¹, называл его гением, первым шахматистом, кто в игре интуитивно сочетал три фактора: материал, время (темп) и качество позиции.

Трудно найти топового игрока, который бы не восхищался Алехиным (разве что Роберт Фишер относился к нему не без ревности). Он известен даже в такой не самой шахматной стране, как Филиппины. Местный шахматист Хамад Нури назвал своего сына в честь русского чемпиона – Алехин Нури. И ведь сработало: в семь лет мальчик стал самым молодым мастером ФИДЕ² в мире.

А «Пушка Алехина» (англ. *Alekhine's Gun*) – расстановка из трех тяжелых фигур на одной вертикали доски (две ладьи плюс ферзь), примененная шахматистом в поединке с Рихардом Рети, – стала названием для популярной компьютерной игры. В разных странах издано множество книг о шахматном гении – сборники партий и комбинаций, биографии и даже романы. В СССР по книге Александра Котова режиссер Юрий Вышинский снял фильм «Белый снег России».

Кстати, в этом фильме Алехина неизменно называют через «ё» – «Алёхин». Правописание фамилии – вопрос до сих

¹ Внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иноагентов. – Прим. изд.

² Международная шахматная федерация (фр. *Fédération Internationale des Échecs, FIDE*); была основана в 1924 году в Париже. – Прим. изд.

пор спорный. В последнее время большинство биографов утверждают, что фамилия шахматного короля звучала иначе – «Але́хин». Но некоторые шахматные старожилы, хорошо знавшие чемпиона, в наше время называли его Алёхиным. И многим обаянный Алехину Андрэ Лилиенталь, и Василий Смыслов, и Юрий Авербах, и тот же Котов... Загадки! Скорее всего, как и во многих случаях с буквой «ё», четкого правила здесь не было, и в разных странах его фамилию произносили несколько по-разному. Такова участь звезды, ведь он интересовал и интересуется миллионы людей, которые относятся к разным языковым культурам.

А что сам Алехин? По воспоминаниям некоторых современников, он очень злился, если кто-то по незнанию или нарочито произносил его фамилию с буквой «ё». С этим Алехин боролся как мог. И когда маститые учителя Поливановской гимназии «ёкали», он их поправлял, не стесняясь своего юного возраста, а уж тем более когда его соперники по шахматным партиям допускали такую же неосведомленность, иной раз в достаточно резкой форме обращал на это их внимание.

Алехин интересен далеко не только шахматами. Его жизнь соткана из тайн и загадок – распутать клубок кажется задачей почти невыполнимой. Биографы до сих пор с жаром бьются над разгадками алехинских поступков, пытаются проникнуть в голову четвертого шахматного чемпиона мира, объяснить те или иные его решения; разобраться, как уко-

ренились ярлыки на букву «а» – алкоголик, альфонс, антисемит... Александр Александрович сам уже не ответит ни на один вопрос, потому велик соблазн переноса собственной личности на многогранную персону героя. Но чтобы понять Алехина, этого недостаточно. Нужно постоянно отключать свое внутреннее «я» – ради объективной, всесторонней оценки одной из величайших фигур в истории шахмат.

В такой ситуации ключом к шифру личности Алехина может стать обстановка, в которой он жил и творил. Пытаться изучить гениального шахматиста (и притом весьма противоречивого человека) в нарочитом отдалении от событий, бурливших вокруг его персоны, – дело тупиковое. Нельзя просто влезать в его шкуру, бегло оценивая факты биографии. Нужно погрузиться в ту сложную атмосферу, в которой он пребывал, и пытливо анализировать без преувеличения катастрофические происшествия, двигавшие его личность по доске жизни в ту или иную сторону.

Быстро выяснится, что Алехин никогда не ходил прямо, как пешка. Скорее его излюбленным было движение коня («г»): вроде совершал длинный шаг – и тут же смещался, удивлял. А все потому, что жизнь не щадила Алехина: ему приходилось лавировать, чтобы не сгинуть...

Не только события, но и современники сильно влияли на него. Их тоже требуется «прощупать», чтобы лучше узнать самого Алехина. Они формировали мировоззрение шахматиста, расставляли акценты, направляли.

Пожалуй, наибольшее влияние оказал на него кубинский гений шахмат Хосе Рауль Капабланка. Хотя Алехин вряд ли всерьез воспринимал его как человека, личность – скорее Капа стал для него самой главной в жизни шахматной задачей, требующей многолетней, кропотливой, вдумчивой работы, попытки объять необъятное. Задачей настолько сложной, что справиться с ней в какой-то момент стало для Алехина делом принципа. Капа оказался маяком, на который направлял свои паруса русский шахматист. Кубинец помогал не сбиваться с пути, как бы жизнь ни пыталась отклонить Алехина от курса следования – а пыталась она неутомимо.

Разумеется, по-человечески Капабланка тоже влиял на русского визави. Алехину нужно было тянуться за ним, соответствовать высоко задранной планке. Хосе Рауль, особенно в ранге шахматного короля, превратился в идеальную медийную персону, как и подобает дипломату, которым он одно время успешно работал. Его боготворили болельщики, за ним бегали женщины; он умел очаровывать, появляться на публике так, что все поворачивали к нему головы. В его жизни оказалось много солнца и мало (в сравнении с Алехиным) забот, и, возможно, поэтому сам он стал солнечным, улыбчивым человеком, без принуждения располагавшим к себе. Ни одна светская вечеринка не обходится без таких, как он. Чего не скажешь об Алехине.

У русского шахматиста капабланковской харизмы, пожалуй, не было. Приходилось все время учиться этому ма-

стерству, преодолевать себя, менять свой скверный характер, который неуклонно портился из-за постоянных лишений и особенностей психотипа. Вся его жизнь – это подкрутка сложных внутренних настроек под обстоятельства. Не каждый способен проявлять гибкость; у Алехина это получалось лучше, чем у многих – вопрос, какой цены стоил ему вынужденный конформизм... Зато он знал жизнь лучше Капабланки, видел ее во всех ракурсах (в том числе и максимально неприглядных), и очень может быть, это помогло ему сокрушить кубинца в матче за корону, который до сих пор считают жемчужиной шахматной мысли. Ведь когда сходятся титанические характеры, значение имеют не только превосходные спортивные характеристики, но и простая жизненная смекалка.

А еще Алехин безгранично уважал себя, что придавало ему сил, в том числе за доской. Это выражалось в абсолютном самомнении, типичном для гения, который понимает свою исключительность. Он стал очень требовательным к другим, особенно по части всего, что касалось его самого. Себя в обиду Алехин не давал и, если того требовали обстоятельства, мог жестко ответить.

Огромную роль в формировании прочнейшего алехинского стержня сыграла родина. Период до пожизненной эмиграции считается наиболее тайным, загадочным. Алехин словно сидел на пороховой бочке, которая взрывалась вновь и вновь, и удивительно, что ему удавалось оставаться в жи-

вых. Наверное, он оказался слишком сильным, чтобы сдаться, отчаяться, – а предпосылок для этого набралось предостаточно.

Дело все-таки в масштабе его личности, а не в счастливом стечении обстоятельств. Страна агонизировала и перерождалась, истекала кровью революций, мировой и гражданской войн. Ценность человеческой жизни свелась к нулю и даже ушла в минус; Алехин не мог просто отойти в сторонку, держаться подальше от всей этой чертовщины. Напротив, судьба безжалостно проворачивала его через мясорубку, как и всех остальных, кому «посчастливилось» родиться и жить на стыке XIX и XX веков, во времена глубоких системных потрясений.

Представьте, что в вашей жизни нет стабильности: все постоянно рушится; появляются силы, которые толкают то в одну, то в другую сторону, и не знаешь, где окажешься уже завтра, будешь ли вообще жив. Это и происходило с Алехиным, и явно не такой жизни он хотел, но приходилось стискивать зубы и терпеть, при этом не забывая о любимых шахматах...

И только Вторая мировая война надломила Алехина, сорвала его броню. На шахматиста посыпались обвинения, он стал изгоем, тяжело запил. Но в час заката вдруг забрезжил лучик надежды. Советский чемпион Михаил Ботвинник протянул ему руку помощи, предложив «нерукопожатному» шахматисту матч за корону, как награду за все мучения. Но

снова судьба, одарив его мимолетной улыбкой, припрятала за спиной кинжал...

Почти вся жизнь Алехина – война. С людьми, с обстоятельствами. Кажется, все было против него, но он героически сражался, отстаивал свои интересы даже в самых отчаянных ситуациях. Падал, но обязательно поднимался и с завидным упрямством шел дальше вопреки логике и невысоким шансам на успех, к победам над врагами, которых у него было предостаточно – что в жизни, что за шахматной доской. Так давайте же вместе проследим за удивительной судьбой Алехина, которая навряд ли кого-то оставит равнодушным.

Часть I. Прощай, родина!

Глава 1. Смертельная болезнь

В год рождения Алехина шахматный мир бурлил. Титулом владел американец Вильгельм Стейниц, первый официальный чемпион мира. Однако в 1892-м его позиции пошатнулись! Американца попытался свергнуть гражданин Российской империи Михаил Чигорин, человек удивительнейшей судьбы. Он, а вовсе не Алехин, мог стать первым русским, примерившим шахматную корону. И должен был, хотя бы из-за своей неиссякаемой любви к «игре королей».

Уроженец Гатчины (по другим данным, Петербурга) рано потерял родителей и оказался в Гатчинском сиротском институте. Воспитатели без лишних сантиментов обращались с подопечными, но Михаила это не сломило. К тому же один из работников приюта, у кого был характер помягче, начал приучать его к шахматам. Чигорин сел за доску лишь в 16 лет, что не помешало ему оказаться лучшим русским мастером шахмат своего времени. Он жил игрой, отказался ради нее от перспективной и денежной карьеры в петербургском банке. На стенах его комнаты висели портреты лучших – среди них оказался и Вильгельм Стейниц.

Игра американца была солидна, но чересчур академич-

на. Чигорин же любил творить, испепелять противников яркоатакующими комбинациями. Доска словно зажигалась фейерверком, когда он переставлял фигуры. Увы, Стейниц научился задувать огонь Чигорина. В марафонах тет-а-тет русский шахматист быстро терял концентрацию и множил ошибки, тогда как Стейниц сохранял свой ум холодным.

Первый их матч в Гаване в 1889 году остался за чемпионом Стейницем, хотя Чигорин поначалу лидировал. Но главный шанс своей жизни Чигорин получил в 1892-м, в повторном выяснении отношений. Как же символично, что матч случился за считанные месяцы до рождения Алехина, который в будущем смог воплотить мечту Чигорина в жизнь – стать лучшим в мире.

У Стейница имелись свои козыри, в том числе околоспортивные. 55-летний чемпион любил курить прямо во время партий. Это отвлекало Чигорина, которого всю жизнь раздражали резкие и неприятные запахи¹. Вот только как было Стейницу не курить в Гаване, где водились лучшие сигары в мире?

Но даже маленькие хитрости не благоволили фавориту матча, когда при счете 9:8 в его пользу Чигорин солировал, стремясь уравнять расстановку сил. Заключительная (к сожалению) партия проходила под диктовку претендента. Закручивая роскошные усы, он с осторожным оптимизмом поглядывал на седовласого курильщика. У русского шахматиста имелась фора в фигуру! Это как если у одного из боксе-

ров по ходу поединка ломается рука... Но вот Чигорин двинул слона – и прозевал скорый мат. «Однорукий» Стейниц умудрился отправить его в нокаут.

В этой непостижимой драме был весь Чигорин, ему оставалось лишь схватиться за голову. Жители Гаваны, ставшие свидетелями неожиданной развязки, недоуменно выдохнули – уж очень им хотелось победы Чигорина. Смелость берет не только города, но и сердца...

Согласно древней шахматной легенде, среди зрителей в зале находился трехлетний Хосе Рауль Капабланка. Он еще, конечно, не разбирался в шахматах. Но уже видел в них столько азарта!

Из этих драм к Алехину можно перекинуть сразу несколько мостов. Во-первых, однажды он влюбился в шахматный стиль Чигорина, посчитав маэстро одним из своих учителей, но пошел дальше, сделав шахматы не просто зрелищем, но и настоящим искусством. При этом Александр Александрович не позволял себе таких очевидных промахов, коими обильно грешил Чигорин. А самое главное, именно Алехин стал первым русским чемпионом мира, в своем матче за титул сокрушив еще более очевидного фаворита. Во-вторых, Гавана была местом рождения принципиального соперника Алехина – Хосе Рауля Капабланки, тоже большого поклонника Чигорина. В автобиографии кубинец признался, что матч Стейниц – Чигорин стал для него отправной точкой, событием, которое породило в нем шахматиста. А со временем он вы-

рос в мастера без слабых мест, обладавшего убийственной интуицией.

Почти все считали, что Капа владел святым шахматным Граалем, великими тайными познаниями, которые делали его за доской неуязвимым. Но именно Алехин вскрыл его божественную игру; нашел, как сбросить шахматного Зевса с Олимпа.

Соперничество Капы с Алехиным, этих антиподов в мире шахмат и мире людей, стало поистине легендарным!

* * *

Александр Александрович Алехин родился во времена глубоких потрясений. Старый мир уже начинал рушиться, трещины проступали все отчетливее. Последний русский император Николай II неумолимо двигался к трагическому финалу судьбы. Жить в такое лихолетье – значит, подвергаться испытаниям, находиться в нескончаемом стрессе. А если учитывать, что шахматы и без того требуют предельной концентрации, мобилизации всех внутренних ресурсов, то неудивительно, что Алехин жил с надрывом. Другие бы сто раз поставили на себе крест, но только не он. Вытягивать себя из передрыг и саморазрушения удавалось, конечно, не всегда... Случались срывы, и немало. Но каким-то чудом он поднимался и двигался дальше, несмотря на превратности судьбы и пересуды злопыхателей.

Передышка была лишь в начале жизненного пути, когда Тиша, как его называли родные, с задором бегал по 10-комнатной съемной квартире в Никольском переулке, окруженный заботой и любовью. Да, у его отца Александра Ивановича, коллежского асессора и владельца большого имения в Воронежской губернии, было много работы, так что уделять время сыну он позволял себе изредка. Зато мать, Анисья Ивановна, дочь крупного фабриканта Прохорова – владельца Трехгорной мануфактуры, – старалась это компенсировать, занимаясь его всесторонним образованием. Как писал биографист Алехина Юрий Шабуров², она не давала Тише прорыву, приучала к гуманитарным наукам, просила много читать, привлекала репетиторов французского языка и музыки. Впрочем, не меньше сил женщина тратила и на двух других своих детей, Алексея и Варвару. Что не успевали она и репетиторы, делала немецкая гувернантка. Это со временем Анисья Ивановна отделилась от детей, следуя пагубному пристрастию... Их спасением стала бабушка Анна Александровна Прохорова, тоже с радостью занимавшаяся воспитанием. Впрочем, отдаление матери от детей случилось позже.

Тиша читал с большим увлечением. У него всегда под рукой были книги, которые он быстро перелистывал – и не потому, что не находил в сюжетах интереса. Просто он легко схватывал суть и очень многое запоминал, а потом во время разговоров воспроизводил выуженные из книг факты.

Александр Иванович Алехин, член IV Государственной думы от Воронежской губернии

Премудростям игры первое время обучала Тишу Анисья Ивановна. Когда мальчику было семь, он ушел в шахматное дело с головой, ведь Тиша был любознательным ребенком, жаждущим новых впечатлений. И кто бы мог подумать, что пешки, слоны, кони, ладьи, ферзи и короли быстро превратятся из просто интересных фигурок, какими их воспринимают обычные дети, в нечто гораздо большее – в бело-черные армии, смыкающиеся друг с другом в яростных схватках на маленькой доске, где важны смекалка, стратегия, умение опережать соперника, совершать отвлекающие маневры, чем-то даже жертвовать, чтобы в конце концов нанести сокрушительный удар. Склонный к интроверсии ребенок, стоило ему коснуться шахматных фигур, преображался, проходил во время партий через весь спектр эмоций. Постепенно он превращался в беспощадного шахматного революционера, прямо как те, которые вскоре начнут штурмовать Зимний дворец, утверждая новую власть.

Первую свою значительную партию Тиша проиграл. Это стало для мальчика глубочайшим потрясением, крушением наивных детских иллюзий, что мир полон радости и удовольствий. Хотя он уступил 20-летнему сопернику, который знал шахматы намного лучше, мальчишка не находил себе места, размазывая слезы по щекам, о чем потом иногда рассказы-

вал. Должно быть, столь бурные негативные эмоции как раз и пробудили в Алехине чемпионский характер. Со временем он стал скалой, о которую разбивались лучшие шахматные умы.

Проиграв впервые, Алехин поклялся, что обязательно станет такой величиной в шахматах, что больше его не сможет обыграть ни один человек. Подобные мысли посетили Алехина очень рано, зато с тех пор он с завидным упорством шел к реализации столь амбициозного плана. А первым, к кому ему пришлось тянуться, чтобы однажды перерасти, стал собственный брат Алексей, начавший играть несколько раньше. Впрочем, отставание в опыте недолго препятствовало праву Александра называть себя главным шахматным талантом семьи. В будущем он будет все так же принимать поражения за доской крайне болезненно: они начнут сильно бить по его сверхмерному самолюбию и провоцировать на импульсивные поступки, жестокие и циничные. Зато острейшее желание не ощущать этот позор, не класть короля на доску в знак капитуляции, сделает его одним из самых непобедимых шахматистов в истории.

Вот только ничего этого могло не случиться – ведь мальчик Тиша едва не умер.

* * *

Первым серьезным испытанием в жизни Алехина стала

коварная болезнь мозга – менингит. Воспаление мозговых оболочек нередко приводило к летальному исходу. В то время менингит толком не лечили, антибиотики в медицине еще не применяли – оставалось надеяться на чудо. Организм Алехина боролся с заразой долго, но успешно. Реабилитация заняла около трех лет. Старшая сестра шахматиста Варвара в интервью для «Красной газеты» (в выпуске сообщалось о победе Алехина в матче за титул)³ предположила, будто менингит брата мог быть связан с одержимостью игрой, но к этим словам следует отнестись критично. Да, шахматы требуют запредельной концентрации, и ребенок, психика которого еще только формируется, может испытывать сильное умственное переутомление, если не знает меры и проводит у доски слишком много времени. Но менингит нередко проявлялся тогда у детей, а провоцирует развитие болезни вовсе не психическая нагрузка, а патогены – вирусы и бактерии. Последствия могут быть катастрофичными, нередко переболевшие становятся недееспособными. Но даже если болезнь протекала мирно и не разбомбила организм, в будущем возможно снижение когнитивных способностей и развитие всевозможных неврологических нарушений. Тише повезло: переболев в семь лет, он стал на ноги. Но далеко не факт, что последствий болезни совсем не было.

Между прочим, Алехин был не единственным шахматистом, которому пришлось переболеть этим смертельным недугом. Менингит перенес в детстве и другой будущий чем-

пион мира, Михаил Таль (были высокая температура и даже судороги), что не помешало ему наряду с Алехиным стать одним из ярчайших и умнейших шахматистов в истории. Куда менее повезло их коллеге Борису Верлинскому: тот частично потерял слух и страдал из-за расстройства речи.

В 1900 году в жизни Тиши произошли перемены: семья переехала на Пречистенку, где снова сняла квартиру (своего дома в Москве у них не было). Там мальчик начал учиться в частной Поливановской гимназии, где ему не требовалось носить форму, но в остальном поблажек не оказалось. Ему было уже девять лет. Как уточнил в своей монументальной книге об Алехине «Русский сфинкс»⁴ алехиновед и историк шахмат Сергей Воронков, из-за менингита Тише пришлось приступить к учебе с годичным отставанием.

К тому моменту родители сняли с него все карантинные ограничения, разрешив играть в шахматы (в ходе реабилитации у Тиши часто отнимали доску). В 1902 году увлеченный шахматами подросток прослышал, что в Москву приезжает шахматный маг Гарри Пильсбери. Для Алехина это стало огромным событием, которое еще больше влюбило мальчика в шахматы: оказалось, они могут быть волшебными!

Глава 2. Низвержение богов

Столица восхитилась почетным гостем, который в прямом смысле творил чудеса. Среди больших почитателей таланта американца оказался и сам Алехин, пускай тогда он еще и был ребенком.

В то время Америка являлась шахматной сверхдержавой. Страна считала первым чемпионом мира Пола Морфи, официально лучшим на планете стал Вильгельм Стейниц (пусть и уроженец Австро-Венгрии), и лишь немецкий шахматист Эмануил Ласкер отнял у звездно-полосатых величие. Но такие яркие мастера, как Пильсбери, давали США надежду, что утраченные позиции скоро могут быть возвращены.

Увы, американских героев, включая Пильсбери, постигла незавидная участь. И это показательно, поскольку шахматы вовсе не для всех оказались дарованием – с тем же успехом они могли становиться и проклятьем. Трагической можно считать не только судьбу Алехина, но и судьбы многих других выдающихся шахматистов.

Морфи оказался удивительным самородком. Уже в девять лет он считался одним из сильнейших игроков в Новом Орлеане, в 12 переиграл зарубежного мастера Иоганна Лёвенталю, брови которого подпрыгивали до небес после каждого неожиданного хода юного оппонента. В 21 год он пересек океан для проверки сил – и разбил в Европе сильней-

ших шахматистов (включая блистательного немца Адольфа Андерсена). Его слава стала так велика, что британская королева Виктория устроила для него аудиенцию. Американца негласно стали называть лучшим игроком в мире! Вернувшись домой, Морфи неожиданно изменил свое отношение к шахматам, со временем полностью отказавшись от игры ради карьеры юриста. Однако преуспеть на новом поприще он так и не сумел. Все, даже клиенты юридической конторы, воспринимали его больше шахматистом. Но он почему-то бежал от этого клише, не желая слышать подобных ассоциаций. Вильгельм Стейниц пытался уговорить его сыграть матч, но тщетно. Заканчивал жизнь Морфи полным параноиком: был уверен, что его преследует шурин, а в ресторанах хотят отравить. Бродил по улицам тенью, нашептывая под нос что-то бессвязное, и отоваривал тростью прохожих, вспоминая его блистательное прошлое. Умер он в 47 лет в ванной от инсульта – по легенде, окруженный обувью, которую зачем-то расставлял по квартире в странном порядке, о чем рассказывала его племянница. Но именно Морфи по таланту и нереализованному потенциалу считают одним из сильнейших за всю историю шахмат.

Участь Стейница оказалась не менее трагичной. Его разум однажды помутился, а на побывке в Российской империи в присутствии русской секретарши маэстро начал говорить с кем-то несуществующим через форточку – начались галлюцинации. Стейница заперли в московской психиатри-

ческой клинике, где поначалу из-за путаницы его принимали за пациента, выдававшего себя за... Стейница¹. После лечения ситуация не сильно улучшилась: американец верил, что электрический ток двигает фигуры на доске, а сам он провел партию с Богом – и выиграл. Последним пристанищем бывшего чемпиона мира стала американская клиника – подвело сердце. Ему было 64.

Однако в США были не только Морфи и Стейниц, но и удивительный Гарри Пильсбери, который однажды вдохновил на чудеса Алехина. Американец начал играть в шахматы в 15 лет, чтобы отвлечься от горя, постигшего семью, – смерти матери. Прославился на весь мир уже в 1895 году, когда прибыл в Гастингс (Великобритания) и в 22-летнем возрасте выиграл крупнейший международный турнир, первый же в своей карьере. Уступив на старте Чигорину, он затем выдал серию из девяти побед подряд и занял первое место, опередив действующего чемпиона мира Ласкера, экс-чемпиона Стейница и многих других звезд. В интервью *Brooklyn Daily Eagle* Пильсбери рассказывал: «Конечно, Чигорин был сильнейшим противником. Могу оправдать свое поражение страхом сцены, того, что мне, молодому игроку, противостоит ветеран. Кстати, в некоторых английских газетах обо мне писали лживую информацию. Например, что я был высоким и желтушным, курил зеленые сигары. Другой корреспондент заявил, будто я был феноменом и начал играть в шесть лет»².

В Лондоне Пильсбери сыграл также с шахматистками, во-

обще часто практикуя подобные встречи. Он дал каждой фору в коня и почти все партии выиграл. После турне по Великобритании Пильсбери стал национальным героем в США, поскольку Стейниц уже год как сложил полномочия чемпиона мира. Ему устроили званый ужин в Бруклине, где меню оформили диаграммами лучших партий Пильсбери в Гастингсе. К тому моменту юноша уже давал удивительные сеансы игр вслепую, став своеобразным шахматным Гарри Гудини. Ему завязывали глаза, сообщали ход соперника, и он делал свой – и так на большом количестве досок. Как правило, побеждал – и не суть, что соперники были ниже уровнем, все равно им восхищались. У Пильсбери оказалась фотографическая память, чем он и пользовался для подобных трюков. За волшебство платили хорошие деньги, и ему приходилось удивлять публику, чтобы зарабатывать на ремесле. А расплачивался он за это здоровьем. Его мучили бессонницы, потому что в голове все время прокручивались партии, где можно было сыграть и получше.

На пике славы Пильсбери все в том же 1895 году приехал в Российскую империю, и эта поездка дорого ему обошлась. И хотя сам он это официально нигде не подтверждал, историки (например, Билл Уолл) полагают, что именно в той злополучной командировке шахматист заразился сифилисом от проститутки³. Половину турнира в Петербурге, где по шесть партий друг против друга играли четыре лучших шахматиста в мире, Пильсбери шел в лидерах – и вдруг посыпал-

ся. Виной стало тяжелое течение гриппа (баланс против победителя Ласкера остался в пользу Гарри). С тех пор его результаты начали колебаться, и не в последнюю очередь – из-за неизлечимого заболевания, постепенно разрушавшего здоровье американца. Пильсбери не выдерживал длинных марафонов, обычно захватывая лидерство, а потом проигрывая партию за партией.

Его все чаще беспокоили сильные головные боли, бессонница и невроз. Но врачи не лечили шахматиста, а больше изучали. Доктор Трелкельд-Эдвардс и профессор Мэнсфилд Мерриман попросили шахматиста выучить 33 труднопроизносимых слова. Всего с минуту глядя на них, он воспроизвел все слова в том же порядке, затем провел четырехчасовой сеанс игр вслепую и сразу после этого снова повторил все слова, причем как в прямом, так и в обратном порядке. Слова подобрали действительно сложные – антифлогистин (название медикамента), такадиастаза (фермент из плесневого гриба), стрептококк (бактерия) и тому подобные. Еще он мог безошибочно воспроизводить по памяти до тысячи ходов своих соперников на турнире, а также совмещать слепые партии в шахматы с игрой в шашки и вист.

Все чаще ему требовалась медпомощь, которую оказывали прямо во время соревнований. Увы, чтобы облегчить свою участь, сам он делал немного, злоупотребляя курением и распитием алкогольных напитков даже на своих знаменитых шахматных шоу. Но слава о нем и его уникальных

способностях распространялась. О Пильсбери хорошо знал Алехин и наверняка страшно завидовал брату Алексею, которого пригласили участвовать в сеансе слепых шахмат с участием Пильсбери в московском дворянском собрании в декабре 1902 года. Там американец установил очередной мировой рекорд по количеству соперников в сеансе игры вслепую – их было 22 (победил в 17 партиях).

«Об игре, не глядя на доску, я впервые услышал девятилетним мальчиком, – вспоминал Алехин. – В это время мой родной город – Москву – посетил Пильсбери, который дал здесь сеанс одновременной игры вслепую на 22 досках. Я сам тогда не имел еще доступа в шахматный клуб, но мой старший брат принимал участие в сеансе и сыграл с Пильсбери вничью. Достижение Пильсбери подействовало на меня ошеломляюще. Впрочем, таково же было впечатление всего шахматного мира»⁴.

Затем уже сам Алехин начал практиковать сеансы игры вслепую, восхищая поклонников этой магии, недоступной для обыкновенного человека, – впервые попробовал, когда исполнилось всего 12 лет. Но за подобные таланты приходится расплачиваться: на фоне большого количества шахматных гастролей Пильсбери долго болел, у него случались припадки. Лихорадка и высокая температура приводили к делирию; он даже пытался выпрыгнуть из окна в больнице. Скончался Пильсбери в 1906-м в Филадельфии уже частично парализованным – ему было всего 33 года.

Долгое время считалось, что американец умер от сверхнапряжения клеток мозга; лишь позже появилась информация о сифилисе. Но умственное перенапряжение из-за большого числа выставочных турниров (и нездорового образа жизни) также наверняка повлияло на скорую развязку. Ласкер в интервью *New York Times* сразу после смерти своего соперника вспоминал: «Его мозг стал неисправным. <...> Когда две армии из 16 боевых единиц каждая сражаются друг с другом в имитационной войне в соответствии с правилами, мозг игрока находится в постоянном возбуждении. Он должен предвидеть результат враждебного маневра, тщательно анализировать. <...> Шахматы требуют мужества. <...> Нельзя сомневаться, что мозг значительно набирает силу благодаря игре в шахматы. Поэтому можно сделать вывод, что в современном обществе идеальным мужчиной был бы шахматист. Но тут я слышу, как кто-то парирует: “А как насчет Морфи, Стейница и Пильсбери, трех величайших американских шахматистов, которые стали жертвами безумия? Разве не опровергают они вашу теорию?” Мой ответ решительный: “Нет”. <...> Пильсбери умер от болезни, которую спровоцировало перенапряжение клеток его памяти. Но шахматы имеют к этому лишь очень косвенное отношение. Память имеет наименьшую ценность для шахматиста, который вместо нее должен использовать изобретательность, оригинальное мышление и логику. Только в шахматах с завязанными глазами память находит себе место. К сожалению, Пильсбери взял за пра-

вило так играть. Шахматные клубы заставляли его играть столько партий, сколько он мог выдержать. В трудные часы выставок, на которых Пильсбери демонстрировал свои подвиги, играя заодно в шашки и вист, он курил и пил виски. Так мало-помалу его здоровье и было подорвано. Друзья, видя, что он теряет силы, предупреждали его об опасности. Но шахматный мир ужасно организован, и как бы он ни был обязан Пильсбери, ему не позволяли зарабатывать себе на жизнь без этих выставок. Порочный круг замкнулся, и теперь мы скорбим у его могилы»⁵.

Это могло бы стать предупреждением Алехину, память которого, как показало время, оказалась крепче, чем у Пильсбери. Но даже если он и читал интервью Ласкера, это не помешало ему стать одним из лучших мастеров игры вслепую в истории шахмат.

Глава 3. От революции до лицедейства

Алехин-гимназист стремительно вырос, при этом его подростковая внешность соответствовала нервическому характеру и вызывала смешанные чувства. Его подробное описание дал одноклассник Георгий Римский-Корсаков, родственник композитора. Портрет Алехина со слов Римского-Корсакова рисуется довольно неприятный, но если мы отбросим лишний негатив, то увидим интересного и выразительного молодого человека. У шахматиста были светлые волосы, которые неподатливым чубом сваливались спереди на лоб. Бледное лицо покрывали медные веснушки. Взгляд отличался расфокусированностью; он вообще редко замечал кого-либо, предпочитая смотреть сквозь людей. Нос был коротким и вздернутым, губы – тонкими, плотно сжатыми, как будто презрительно. Ногти на длинных пальцах он всегда нервно обкусывал. Голос был высоким и немного скрипучим. Походка – легкой и быстрой, притом чуточку дерганой¹. Он, в общем, выделялся в толпе, вот только другие гимназисты обходили стороной несколько странноватого подростка.

Зато он учился среди элиты. Хорошо известно, что в стенах Поливановской гимназии образование получали дети дворянского происхождения, и родителям приходилось

оплачивать обучение. На занятия ходили сыновья писателя Льва Толстого (кстати, любителя шахмат), драматурга Александра Островского... Мало кто кичился своим высоким происхождением, ведь всегда находились те, у кого родители были даже богаче и знаменитее. Неудивительно, что педагогами гимназии выступали сплошь именитые профессора того времени – Михаил Лопатин (преподавал логику), Михаил Покровский (отвечал за латынь), Юрий Готье (курировал историю). С такими валять дурака у большинства учеников не получалось.

Но Алехину учеба давалась без натуги (за исключением математики). Особенно по душе юному гимназисту приходились гуманитарные науки и иностранные языки. Павел Попов, который дружил с Алехиным в гимназии, а позже стал профессором в МГУ, рассказывал, что однокашник писал очень вдумчивые сочинения, его французский был образцовым, а Готье выделял его среди остальных учеников, поражаясь глубокими историческими познаниями².

Но даже любимые предметы не занимали его ум денно и ночью, так что Алехин из кожи вон не лез. Когда другие ученики вечерами напролет корпели над гимназическими учебниками, Тиша предпочитал уединяться в комнате с шахматами или просматривать корреспонденцию с другими игроками. А чтобы не попасть впросак на уроке, ему достаточно было перед занятием пробежаться по страницам учебника. Иной раз он позволял себе снисходительные, даже дерзкие

реплики в адрес некоторых учителей, как будто ставил себя выше; к сверстникам – даже друзьям – тоже мог проявлять пренебрежение и строить им козни – возможно, оттого, что видел себя совсем в другом месте, за доской, либо же не считал их себе ровней. Во время урока он почти всегда украдкой изучал партии и решал занятные шахматные задачки, которые быстро научился составлять сам.

Попов отмечал фирменную непоседливость Алехина: мальчишка дергался по любому поводу и без, никак не мог найти себе места, даже когда сидел за партой во время какой-нибудь сложной лекции, требующей внимания. Поэт Всеволод Рождественский нашел этому его перевозбужденному состоянию возможное объяснение. Алехин лично рассказывал приятелю, что многие его беды были связаны с исключительной памятью (тут уместно снова вспомнить бедолагу Пильсбери). Тиша и рад был расслабиться, но что он мог поделать, если мозг впитывал как губка абсолютно все, включая постные лица, увиденные вскользь в трамвае, или фразы со скучных дорожных вывесок. При всем желании Тиши выкинуть весь этот мусор из головы у него мало что получалось. Вероятно, шахматы помогали ему хоть ненадолго отвлекаться от цунами мыслей и ненужных воспоминаний, которые одолевали его.

Поливановская гимназия, 1885 год

«Весь углубленный в свои шахматные дела, Алехин настолько выключался из окружающей его среды, что не всегда ясно сознавал, где он находится и какой идет урок, – рассказывал Георгий Римский-Корсаков. – Бывало, вдруг начнет вставать из-за парты. Класс затихал и напряженно ждал, что будет дальше. Постояв немного с растерянным видом, Алехин вдруг издавал радостное “Ага!”, быстро хватал ручку и записывал придуманный ход. Если преподаватель задавал ему вопрос, то он, услышав свою фамилию, быстро вскакивал и некоторое время стоял молча, обводя класс прищу-

ренными глазами, как бы стараясь понять, где он находится и что от него требуют. Все это происходило не больше секунды, после чего лицо Александра прояснилось, и на повторный вопрос учителя он отвечал быстро и безошибочно».

Завоевать внимание этого удивительного во всех отношениях ученика мог лишь такой же шахматный фанат. Однако остальные гимназисты предпочитали играть в шашки или карты. Лишь некоторые оказались в состоянии удовлетворять его аппетит к игре. Например, Вадим Шершеневич, не обладавший большими шахматными талантами, – делом его жизни оказалась поэзия. А потому друзей у Алехина было исключительно мало; даже за девчонками не бегал, как другие мальчишки его возраста. Правда, когда подрос, однажды оказался вовлечен в скандальную любовную историю: гимназист невольно вскружил голову популярной девушке, но шага навстречу не сделал. Более того, путем жестоких интриг оттолкнул от нее других кавалеров и затем объявил, что она ему не нужна. Когда несчастная упрекнула несостоявшегося бойфренда, ответил цинично – мол, такова жизнь, зато с вами поступили честно³. Алехинский эгоизм был следствием тщеславия, укоренившейся в голове мысли, что он уникален.

Очевидно, тщеславие Алехина заключалось не в том, чтобы завоевать как можно больше дамских сердец, а в том, чтобы быть непохожим на остальных, выгодно выделяться в чем-то неожиданном. Алехина ничуть не интересовали все

те радости, что по обыкновению случаются в жизни молодых людей, вроде походов на светские мероприятия, шумных вечеринок в меблированных комнатах, пропитанных густым дымом папирос или романтических прогулок под желтоглазыми фонарями. Такова участь самородков, людей исключительно талантливых: вся энергия их направлена на любимое занятие и совершенствование навыков. Остальное же кажется им пустым и малозначительным. Социальные связи легко разрываются ради дополнительных часов, посвященных любимому делу. Такие, как Алехин, обычно даже не осознают, насколько одиноки, потому что счастливы жить в том ключе, который сами для себя и определили.

Даже первая русская революция оставила Алехина равнодушным.

* * *

А между тем, в декабрьской стылгой Москве 1905 года возник настоящий хаос, развитию которого способствовали эсеры и большевики. Народ призвали ко всеобщей политической стачке и вооруженному восстанию. В ряде сочувствующих мятежу газет появлялись статьи с прямым обращением к «рабочим, солдатам и труженикам», чтобы они вносили свой вклад в подрыв сложившегося строя. Остановили работу крупные заводы и фабрики. Была прекращена подача электроэнергии, из-за чего прямо посреди маршрутов зами-

рали трамваи, а фонари гасли, как спички. Прекращали работу магазины и торговые лавки. Привычная жизнь превратилась в боевик с непредсказуемым сценарием.

Московского генерал-губернатора Федора Дубасова в конце концов вынудили объявить чрезвычайное положение. Полиция пробовала разгонять митингующих, но попытки скрутить дружинников, которые координировали протестные массы, ни к чему не приводили.

Первая кровь пролилась возле Московского реального училища Фидлера. Туда подтянулась молодежь, основу которой составляли студенты и гимназисты, в том числе «поливановцы». Войска провели артобстрел дома Фидлера, в ответ на улицах города стали появляться баррикады, натягивалась колючая проволока.

Трехгорная мануфактура превратилась в один из революционных штабов, хотя Прохоровы славились тем, что создавали для своих рабочих чуть ли не идеальные условия. Трогательная забота о персонале помогла им тогда: владельцы фабрики и администрация остались на местах, опасность им не угрожала. Однако эти события наверняка стали большой головной болью для матери Алехина Анисьи Ивановны, для которой мануфактура была семейным делом. Да и отца шахматиста Александра Ивановича, к тому моменту ставшего потомственным дворянином, революция затронула самым прямым образом, ведь он числился одним из директоров предприятия. Наибольший урон Прохоровы получили

от... правительственных войск, которые частично разрушили фабрику артиллерийскими снарядами.

А что же сам Алехин? Гимназистов по случаю беспорядков и опасной ситуации на улицах распустили по домам, но многие проявляли интерес к той драме, что разворачивалась прямо у них под окнами. Сбегали из домов, участвовали в сходках молодежи, писали наивные прокламации, мечтали стать дружинниками, даже приносили доски для сооружения баррикад. И хотя сила той революции быстро иссякла, гимназисты прониклись ее духом, у многих горели глаза. В молодых людях обычно присутствует бунтарский дух, жажда перемен и свержения всего старого. Им хочется закреплять свой авторитет, а тут для этого представилась отличная возможность. Мало кто оставался безучастным к декабрьскому восстанию. Сосед Алехина по парте даже раздобыл где-то браунинг.

«Когда возобновились школьные занятия, у многих из нас было что рассказать друг другу. Но Алехин и тут, кажется, не проявил никакого интереса к нашим рассказам, и он глубоко обидел меня тем, что, взглянув на мой пистолет, несколько раз дернул головой вбок и презрительно улыбнулся», – вспоминал Георгий Римский-Корсаков. Ему вообще было неприятно иметь такого соседа, равнодушного ко всему, что не касалось шахмат.

Может, Алехин и не проявлял интереса к революции, но в будущем ему придется хлебнуть еще немало горя из-за тех

катаклизмов, что разрушат царскую Россию. Вся его жизнь из-за этого перевернется, ему чудом удастся сохранить себя... А пока он был всего лишь подростком, который жил, не сильно погружаясь в суть декабрьских событий.

* * *

Алехин продолжал невольно раздражать Георгия своими спонтанными выходками. Например, мог на уроке алгебры вдруг вскочить и на вопрос педагога Бачинского, решена задачка или нет, ответить по-шахматному: «Решил! Жертвую коня, слон ходит... И белые выигрывают!» Когда весь класс хохотал, Алехин не смеялся с остальными, потому что это была вовсе не шутка.

Иной раз родители пытались уберечь Алехина от шахмат, осознав истинный масштаб его увлеченности. Однако споры лишь усиливали одержимость сына. Хотя иногда он все же ненадолго отвлекался. В Поливановской гимназии был шекспировский кружок, где ученики проявляли свои сценические способности. Как ни странно, подмости захватили и малоактивного во многом остальном Алехина. Подростку внезапно стало казаться, что лицедейство ему очень даже подходит (в будущем он бросит на время шахматы ради осуществления давней мечты стать актером). Тиша также нередко участвовал и в домашних постановках по пьесам своего любимого писателя – Чехова. К нему приходил домой од-

нокласник Попов, участвовавший в семейных спектаклях. А организатором этих занятных творческих инициатив выступала сестра Тиши Варвара, близкая ко всему сценическому, – в будущем она даже будет сниматься в советском кинематографе.

Творчество Антона Павловича вообще идеально подходило такому склонному к рефлексии подростку. Чеховские произведения, пропитанные фатализмом, готовили к последующим роковым событиям. Классик русской литературы как никто умел на доступных примерах объяснить читателю, как на самом деле устроен мир. Зачастую в нем нет места простому человеческому счастью, и остается только в отчаянии бороться за него – и терпеть поражение. Се ля ви. Алехин запросто мог стать героем одного из рассказов Чехова, любившего ставить своих персонажей в крайне тяжелые жизненные ситуации.

Конечно, Алехин часто выигрывал за доской, но притом регулярно уступал самому беспощадному и коварному сопернику – судьбе...

Глава 4. Наследник Чигорина

И все же тяга к сцене не могла сравниться с тем, что Алехин испытывал к шахматам. Его прогресс в игре шел по нарастающей. Был человек, которым он в беседах с другими особенно восхищался, – Михаил Чигорин. Алехин всегда говорил своим одноклассникам, что каждый образованный человек должен знать имя Чигорина! А однажды и вовсе назвал его гением.

По легенде, они встретились, когда Алехину было 14 лет, и гимназист уже зарабатывал себе имя на различных любительских турнирах в столице. Говорят, участника двух матчей за шахматную корону порадовало, что Алехин смог в беседе с ним наизусть вспомнить самые яркие его партии. Их короткое пересечение в жизни считают передачей эстафеты. Чигорин, феноменальные атаки которого рассекали стратегии большинства соперников, словно вложил в руки Алехина красоту игры. При этом Алехин впоследствии улучшил методы Чигорина, добавив им запаса прочности.

Этой встрече действительно могло и не быть... Но вот что интересно: Чигорин посетил Москву в 1907 году, чтобы дать бой лучшим мастерам столицы. Имелась одна важная особенность: он уже тяжело болел, но несмотря на это одержал уверенную победу, оставаясь истинным чемпионом на родине до конца.

Увы, самый большой авторитет в русских шахматах, человек, дебютная подготовка которого восхищала Алехина и весь мир, вскоре после московского показательного турнира умер. Это произошло в 1908 году в результате продолжительной «сахарной болезни». Вся жизнь Чигорина была подчинена диктату шахмат, и ее эндшпиль получился соответствующим.

Дочь Чигорина Ольга Кусакова вспоминала, как отец даже на пороге смерти продолжал грезить шахматами. Болезнь воздействовала на рассудок, но именно шахматы оставались тем, за что он отчаянно цеплялся в последние дни и даже часы. А ближе к развязке он вдруг неожиданно попросил сжечь любимую доску с фигурами. Что это было? Осознание, насколько шахматы пленили его разум, лишив всего остального? Или влияние смертельной болезни? Возможно, и то и другое. Но нельзя не признать, что если человек слишком сильно сконцентрирован на чем-то одном с самого детства и до старости, избавиться от воздействия этого увлечения становится невозможным. Поэтому шахматисты, особенно талантливые и глубоко погруженные в ремесло, идут на большие жертвы, как это делали Чигорин или Алехин. Не всегда осознавая это.

«Теперь перехожу к последним часам его жизни: 12 января, вечером, тишину в квартире прорезал душу раздирающий крик, – рассказывала Кусакова. – Все бросились в комнату больного. Мама успокаивала отца, а глаза его с застыв-

шим в них ужасом были устремлены к растворенным дверям, ведущим в темную гостиную. Ему, по-видимому, что-то приснилось, и сон был связан с этой дверью. Когда мама, дав ему воды, его уложила, я стала его успокаивать, говоря: “Вот все сейчас и пройдет”. Но он сказал с раздражением. “Да, пройдет, когда я умру” и махнул безнадежно рукой. Закрыв глаза, вздохнул раза три и затих уже навсегда. Что его глаза увидели в темной гостиной, так и осталось тайной»¹. Чигорину было 56 лет, когда его не стало.

Так умер основоположник отечественной шахматной школы. Место лучшего шахматиста страны стало вакантным. Алехину трудно было занять его сразу: он еще только начинал себя проявлять. Хотя иногда показывал потенциал, недостижимый для многих остальных. Так, в 1908 году перед стартом крупного турнира в Дюссельдорфе 15-летний юноша буквально «раздел» маститого американского чемпиона Фрэнка Маршалла в разогревочной для того партии. Окружающим казалось, Алехин мог дать ему фору – таков был запас прочности. К слову, Маршалл занял в Дюссельдорфе первое место, а значит, был в отличной форме.

Помогал гимназисту шлифовать пока еще сыроватую игру многократный чемпион Киева Федор Дуз-Хотимирский. Он отмечал фантазию своего подопечного, способность заглянуть в ту часть доски, что была недоступна более узкому взору абсолютного большинства. Алехин мог загнать себя в, казалось, безнадежную ситуацию, но вдруг инициатива пе-

реходила в его руки и открывался истинный смысл загадочного маневрирования. Это Алехин на самом деле загонял в угол, а не позволял загонять себя. Если мощный, бурлящий поток, именуемый жизнью, уносил Алехина совсем не туда, куда ему хотелось, то на доске уже он правил бал, контролировал ситуацию. Это становилось своеобразной компенсацией.

В своих «Воспоминаниях»² Дуз-Хотимирский описал первую встречу с молодым Алехиным, «красивым стройным блондинчиком». Зрелому мастеру показалось, что перед ним обыкновенный шахматист, пусть и высоко отрекомендованный (ему даже сказали, что по уровню таланта Алехин – будущий чемпион мира, но это кажется лишь красивой сказкой). Не без самолюбования мастер отмечал, что именно благодаря его наставничеству Алехин существенно прибавил, научившись не просто хорошо играть, но и побеждать сильнейших московских шахматистов. Дважды в неделю киевлянин преподавал Алехину курс шахматного обучения, в который были включены основы: дебютная подготовка, сердцевина игры и эндшпиль. Учитель и ученик подолгу общались в квартире Алехиных, а когда Дуз-Хотимирский уходил, гимназист старательно записывал в книжку особенно важные мысли, почерпнутые из разговора. Его шахматный ум был гибок; Алехин старался совершенствовать игру, прекрасно понимая, что чем быстрее он ликвидирует темные пятна, тем у него больше шансов избегать неровностей в иг-

ре на грядущих турнирах.

Рост мастерства был бы невозможным без основательной практики, но с этим проблем не возникало. В качестве постоянного спарринг-партнера Алехин мог рассчитывать на брата Алексея, шахматиста первой категории. Захаживали в квартиру на партийку-другую и сильнейшие шахматисты Москвы. Все они поначалу превосходили в мастерстве менее искушенного Алехина, но постепенно замечали, что игра гимназиста становится все резистентнее. Он едва скрывал блеск глаз, ведь партии становились для него триумфом мысли, попыткой изобрести шедевр, найти в классической перспективе иное решение, способное взорвать ход дуэли. Он наконец-то раскрывался, срывая с себя маску безразличия, которую так часто видели его одноклассники. А кроме того, потихоньку развивал в себе талант игры вслепую, перенимая и приумножая мастерство Пильсбери. Некоторых не самых последних шахматистов города Алехин обыгрывал, не видя доски и за столь небольшое количество ходов, что изумлению зрителей не было предела. Не стоит удивляться, что в Московском шахматном кружке его визитов ждали все с большим интересом.

Через год после смерти Чигорина Алехин выиграл в Петербурге любительский турнир, который носил имя Михаила Ивановича. Еще перед стартом соревнований он сказал Петру Романовскому, что нет смысла играть, если не рассчитываешь на первое место: «Я, например, почти уверен, что

буду первым»³. Романовский отметил стремительные атаки молодого Алехина, его эксперименты в дебюте и изобретательность в защите. Даже с прямым конкурентом тот сыграл смело, на победу, хотя орудовал черными фигурами.

Трофеем Алехина стала императорская ваза, которую произвели на фарфоровом заводе Романовых. А кроме того, победа принесла Алехину звание *маэстро* (международно признанного мастера). Когда империя рухнула и судьба в конце концов забросила Алехина далеко за пределы страны, именно ваза оказалась тем немногим, что у него осталось от утраченной родины – настолько высоко он ценил свою первую значимую победу в карьере.

В параллельном турнире в Петербурге сражались сильнейшие шахматисты мира, в их числе оказался немец Эмануил Ласкер, планетарный чемпион. Алехину посчастливилось увидеть человека, которого считали шахматным богом, ведь никто не мог сбить его с пьедестала целых 15 лет! О том турнире немец написал книгу; в ней нашлось место и для анализа партий Алехина, за которым он наблюдал уже тогда.

«Ласкер был моим учителем, без него я не стал бы тем, кем стал, – говорил Алехин. – Книга о петербургском турнире превратилась в мою Библию. Все, что в ней написал Ласкер, я внимательно изучал, она была со мной и днем и ночью. Идея шахматного искусства невысказана без Эмануила Ласкера»⁴.

Тогда действительно наступила эра великого Ласкера. Он прошел увлекательный путь до короны. Начинал пареньком, который посещал берлинские кофейни с братом Бертольдом и играл там в бридж, чтобы заработать немного денег. Тогда пользовались популярностью кофейни, где посетителям можно было увлечься настольными играми, причем Ласкера они поначалу интересовали куда больше, чем шахматы. Однажды он даже изобрел игру под названием «Ласка»³ – помесь шашек и военной стратегии. В 1911 году она появилась в продаже в США и Европе (в комплект входила игровая доска, набор шашек четырех цветов и правила).

Вместе с Бертольдом Эмануил углубленно изучал математику в школе – наука стала для него еще одним смыслом жизни. Однако Германская империя была отравлена антисемитизмом, поэтому братьям приходилось из кожи вон лезть, чтобы получить достойное образование (их отец был кантором в синагоге, а дед – раввином).

К счастью, именно шахматы помогли Эмануилу обрести свое истинное призвание. В 12 лет он начал постигать азы этой игры, в чем ему помогал брат, а по-настоящему увлек-

³ «Ласка» представляла собой смесь игр «Башня» (русские столбовые шашки, где битая шашка не удаляется с поля, а забирается под бьющую шашку) и «Черкерс» (британские шашки, где назад бьет только «дамка»). – *Прим. изд.*

ся шахматами к 16 годам, используя для роста мастерства учебник Дюфрени⁴, поскольку достойных соперников в Берлине не набиралось. В 1887-м встретил лучшего немецкого теоретика шахмат Зигберта Тарраша, с которым померился силами и даже смог один раз победить. После этого Ласкер устремился в шахматную высь.

В 1894 году немец неожиданно разгромил Вильгельма Стейница, отняв у него корону за счет более глубокого понимания игры. До матча Стейниц заявлял, что уверенно победит своего менее искушенного соперника, но итог шокировал всех. Матч раскручивался прессой, проходил в Нью-Йорке, Филадельфии и Монреале. Поначалу шла равная борьба, но потом Ласкер ушел в отрыв. Стейниц оправдывался переутомлением и бессонницей. Он действительно начинал сильно сдавать физически, однако не только этим объяснялось превосходство Ласкера, который через два года в матче-реванше вновь легко взял верх.

С тех пор господин с взъерошенными волосами, в пенсне поверх пытливых, вдумчивых глаз, обладатель самых роскошных усов солировал на турнирах. Ласкер старел, что совсем не мешало ему препарировать более юных конкурентов так, будто он взмахивал скальпелем над безропотными лягушками – участниками его шахматных экспериментов.

⁴ Дюфрени Жан (1829–1893) – немецкий шахматист и шахматный литератор. Из многочисленных шахматных учебников Дюфрени наиболее популярно «Малое руководство к изучению шахматной игры» (1881). – *Прим. изд.*

Некоторые из соперников вообще не могли выиграть ни одной партии в матчевых противостояниях (американец Фрэнк Маршалл получил «баранку» в титульном (!) поединке; та же участь постигла уроженца Российской империи Давида Яновского). Почти все оставались в тени этого прагматика, обладавшего тонким позиционным пониманием, беспощадного в эндшпилях.

Эмануил Ласкер, 1894 год. © Cleveland Public Library. Fine Arts and Special Collections Department

Правда, в 1910 году близок к победе был австриец Карл Шлехтер, за которого переживал Алехин. Они сыграли вничью, и этого Ласкеру хватило, чтобы остаться чемпионом. «Жертвовать (фигуры) надо правильно, – цитировал Романовский слова Алехина. – Но даже правильно пожертвовав фигуру, надо играть с большой точностью, чтобы довести атаку до конца. Вспомни последнюю партию матча Ласкера со Шлехтером. Жертва Шлехтера была вполне правильная, “корона” Ласкера висела на волоске. Случилось, однако, иное»⁵.

Эмануил развивал не только шахматные знания. Он надолго отказывался от выступлений на соревнованиях ради горячо любимой науки. В начале века защитил докторскую диссертацию по математике («О рядах на границах сходимости»), а позже доказал в частном случае теорему, которая обрела его фамилию – Ласкера – Нётер (Эмми Нётер исследовала общий случай). При необходимости он выступал с лекциями по математике. Его также влекла и философия. Не зря за доской Ласкер превращался не только в вычислительную машину, но и в тонкого психолога, который любил постепенно загонять соперника в крайне неудобную ситуацию, иной раз жертвуя некоторым позиционным преимуществом. Иногда его игру приукрашивали эффектные комбинации вроде размена своего ферзя на менее значимую фигуру с последующей смертельной атакой.

Одним из друзей Ласкера стал физик Альберт Эйнштейн, хотя шахматист с большим скепсисом относился к его знаменитой теории относительности (впрочем, как и ко многим другим открытиям ученого). Эйнштейн посмеивался в ответ и спрашивал, почему Ласкер тратит свое время на чепуху вроде шахмат. Но вообще Эйнштейн восхищался Ласкером и однажды написал трогательные слова о шахматисте, ставшие предисловием к посмертной биографии второго чемпиона мира «Жизнь шахматного мастера», которую написал доктор Жак Ханнак в 1952 году.

«Я не шахматный специалист, поэтому не считаю себя вправе восхищаться силой ума, которую он проявил в этой области, – писал Эйнштейн. – Должен признаться, что борьба за превосходство, дух соперничества, присущие этой игре, всегда вызывали у меня отвращение. <...> Огромное психологическое напряжение, без которого никто не может быть шахматным мастером, так глубоко переплелось с игрой, что Ласкер никогда не мог полностью избавиться от духа шахмат, даже когда был занят философскими и гуманистическими проблемами. <...> Материальное существование и независимость Спинозы были основаны на шлифовании линз, шахматы играли аналогичную роль в жизни Ласкера. Но Спинозе была дарована лучшая судьба, потому что его занятие оставляло его ум свободным и безмятежным, в то время как игра в шахматы мастера делает его зависимым, сковывает разум... В наших беседах и при чтении его фило-

софских книг у меня всегда присутствовало это чувство»⁶.

Большим подспорьем для Ласкера стала вторая жена Марта Бамберг, в которую он влюбился, когда та еще была замужем за его другом, владельцем фабрики музыкальных инструментов Эмилем Коном. Когда тот умер, дочь еврейских банкиров дозволила шахматисту стать ее спутником жизни и до последнего ездила за немцем на все соревнования, «работая» в качестве музы. Она старалась делать так, чтобы, вопреки мнению Эйнштейна, не только шахматы занимали ум Ласкера.

В целом его жизнь была полна успехов, а вот лишения, которые преследовали многих величайших игроков того времени, долгое время обходили Ласкера стороной – вплоть до Первой мировой войны, когда он сам себе подмочил репутацию.

На турнире в Петербурге в 1909 году немец разделил первое место с Акибой Рубинштейном, причем неожиданно проиграл партию учителю Алехина Дуз-Хотимирскому – и это лишний раз подчеркивает, насколько талантливым был педагог московского гимназиста.

Можно считать недоразумением, что так и не состоялся матч за корону Ласкер – Рубинштейн, поскольку уроженец польского города Стависки (до 1917 года Польша больше века входила в состав Российской империи) прекрасно выступал на различных турнирах, зачастую финишируя первым. Но финансовые затруднения Рубинштейна и Первая миро-

вая сделали их матч невозможным, а после Акиба Кивелевич утратил прежний уровень, да и психическое состояние стало значительно ухудшаться, поэтому Ласкер и остался на троне.

При этом вовсе не Алехину суждено было занять место Эмануила Ласкера и стать третьим чемпионом мира.

* * *

В 1909 году Александр вернулся из Петербурга героем. Теперь за ним следили более пристально, в московских газетах все чаще появлялись заметки о его успехах. Старший брат как шахматист постепенно уходил в тень. В игре Алехина еще имелись шероховатости, но обыгрывать его становилось проблематично. Он стремился к усложнениям; в партиях против него соперники держали концентрацию, чтобы не дрогнуть. Алехин признавал, что до 12 лет его игра отличалась неровностью... Но потом он начал заниматься шахматами еще более серьезно, вдумчиво.

Тем временем учеба в Поливановской гимназии подошла к концу. Алехину выдали аттестат, почти все оценки в котором оказались высокими (тройки – лишь по математике и физике)⁷. Это лишний раз подчеркивает, что не стоит верить в стереотипы, будто если человек здорово играет в шахматы, значит, его обязательно влекут алгебра и геометрия, точный счет и пространственные вычисления. Успех в одном вовсе

не гарантирует прорывов в другом, пусть и кажется, что сферы схожи.

После гимназии Алехин год проучился на юридическом факультете Московского университета, затем переехал в Петербург, чтобы продолжить учебу в закрытом Императорском училище правоведения, все на том же юрфаке. Теперь он носил треуголку (зимой – пыжиковую шапку) и темно-зеленый мундир с желтыми петлицами и отворотами рукавов. Училище, приравненное по статусу к Царскосельскому лицейу, принимало в свои ряды учеников только из потомственных дворян. В случае отличной учебы выпускники автоматически получали звания титулярных советников или коллежских секретарей, поступая на службу в Министерство юстиции либо в Сенат.

Существует одна интересная и крайне устойчивая легенда о правоведах. Их пестрая форма вкупе с дерзким поведением некоторых особ якобы трансформировались в обидное прозвище «чижики-пыжики». В числе правоведских грешков было чрезмерное посещение кабака у Фонтанки. Отсюда и знаменитая песня: «Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил!» И хотя у Алехина однажды действительно возникли серьезные проблемы с алкоголем (это вообще было в его семье наследственным пристрастием), тогда ему еще хватало выдержки не тратить время на распитие спиртных напитков. Это уже потом, когда его жизнь стала подвергаться сверхчеловеческим испытаниям, он мог позволить себе

некоторые излишества.

По всей видимости, в училище, как и в гимназии, друзей у Алехина нашлось не очень-то много. Если верить словам бывшего соседа шахматиста по гимназической парте Георгия Римского-Корсакова, правоведы потешались над «штатской душой» Алехина, отсутствием мундирной выправки и неумением употреблять алкоголь – в том смысле, что он совсем не приветствовал попоек с ценителями этого жанра, как будто ставя себя выше. На самом же деле он по-прежнему отдавал всего себя шахматам, проживая на Васильевском острове в квартире у дяди, скульптора и профессора Владимира Беклемишева, где часто гостили представители интеллигенции, с которыми общался шахматист. Туда навевались и сильнейшие петербургские шахматисты. Алехин и сам частенько посещал квартирники, где любили перестукиваться фигурами.

Как рассказывали очевидцы, юноша к тому времени играл все более страстно, нервно теребил волосы, стал много курить. За ним замечали и характерную для многих шахматистов рассеянность, которая не проявлялась лишь за доской. Игра требовала большого нервного напряжения, поэтому в бытовом плане мозг разгружался, позволял себе некоторую «леность». Тот же Михаил Чигорин мог уйти из дома с зонтом, а вернуться домой без. В свою очередь, Алехин запросто терял в самых неожиданных местах и куда более ценные вещицы, после чего оставалось наде-

яться, что ему вернут утраченное по невнимательности. Георгий Римский-Корсаков рассказывал: «Правоведы потешались над необыкновенной “профессорской” рассеянностью Алехина. <...> Рассказывали, что он мог вместо треуголки надеть на голову какую-нибудь старую шляпу и даже картонный футляр и выйти так на улицу, за что подвергался суровым выговорам со стороны начальства училища».

То, что Алехин уехал из Москвы, не изолировало его от общения с близкими – все-таки обычно именно семья становится местом, где можно сбросить груз одиночества и залечить раны. Отца шахматиста избрали депутатом в Государственную думу, где он поддерживал октябристов. Это была правая партия крупных землевладельцев, предпринимателей и чиновников, которые придерживались умеренно-конституционных и антиреволюционных взглядов, хотя позже их позиции несколько радикализировались. Алехин часто встречался с Александром Ивановичем в Петербурге – там проходили думские заседания. Вместе с отцом шахматист в охотку посещал театры, предпочитая драматические и музыкальные спектакли. Это направление продолжало интересоваться его.

Среди новых знакомых шахматиста появились известные деятели культуры, включая композитора Сергея Прокофьева. И не удивительно, ведь у Прокофьева были неплохие шахматные способности – он даже стал игроком первой категории, периодически покусывая сильных мастеров. Увле-

ченных людей часто тянет друг к другу, и любовь Прокофьева к шахматам была очевидна, пусть музыка и доминировала в его жизни. Он часто ездил на турниры, а лучшие игроки мира с нетерпением ждали поздравительной телеграммы именно от русского композитора. Как знать, быть может, если бы он вложил весь свой пыл в шахматы как в музыку – и там бы достиг впечатляющих высот. Очевидцы вспоминали яркую, атакующую манеру игры Прокофьева, сближавшую его с тем же Чигориним, а вот в обороне частенько зияли дыры. Случалось, он мог так хорошо сконцентрироваться, что в отдельно взятых партиях играл на равных с лучшими. Шахматы композитор с любовью называл «музыкой мысли», несколько романтизировал игру. В общем, им было о чем поговорить с Алехиным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.